ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Специфика репрезентации смерти в «Донских рассказах» М. А. Шолохова

Юсяев А. С.

Аннотация. Статья посвящена анализу сборника М. А. Шолохова «Донские рассказы» как одного из наиболее знаковых произведений раннего советского периода. Цель исследования – выявить особенности воплощения танатологического дискурса в «Донских рассказах» с учётом основных положений натуралистической методологии. Научная новизна работы обусловлена тем, что специфика репрезентация смерти в «Донских рассказах» устанавливается в контексте воплощения не разрозненных натуралистических приёмов, но как маркер бытования устойчивой художественной традиции, на ранних этапах нашедшей воплощение в произведениях беллетристов рубежа XIX-XX вв. В результате исследования выявлено, что смерть в «Донских рассказах» становится одним из структурообразующих принципов поэтики всего цикла, формируя композиционную целостность и кульминационную завершённость большинства входящих в него рассказов. При этом Шолохов, демонстрируя заметное внимание к социально-политической проблематике и идеологическому характеру смертельных конфликтов, оказывается подчёркнуто фактографичен в отображении физиологической составляющей самой смерти. Кроме того, результаты исследования позволяют рассмотреть функционирование отдельных проявлений натуралистической эпистемы в более широком хронологическом контексте, а также обозначить её способность успешно встраиваться в произведения с художественными задачами, выходящими за рамки собственно натуралистических.

EN

The specifics of the representation of death in M. A. Sholokhov's "Don Stories"

A. S. Yusyaev

Abstract. The article is devoted to the analysis of M. A. Sholokhov's collection "Don Stories" as one of the most significant works of the early Soviet period. The aim of the study is to identify the features of the embodiment of thanatological discourse in "Don Stories", taking into account the main tenets of naturalist methodology. The scientific novelty of the work is due to the fact that for the first time the specificity of the representation of death in "Don Stories" is established in the context of the embodiment not of isolated naturalist techniques, but as a marker of the existence of a stable artistic tradition that found embodiment in the early stages in the works of fiction writers at the turn of the 19th-20th centuries. As a result of the study, it has been revealed that death in "Don Stories" becomes a structure-forming principle of the poetics of the entire cycle, forming the compositional integrity and culminating completeness of most of the stories included in it. At the same time, Sholokhov, demonstrating notable attention to socio-political issues and the ideological character of fatal conflicts, proves to be emphatically factographic in the representation of the physiological component of death itself. In addition, the results of the study allow for the examination of the functioning of individual manifestations of the naturalist episteme in a broader chronological context, as well as for the identification of its ability to successfully integrate into works with artistic tasks that go beyond the properly naturalist ones.

Введение

«Донские рассказы» М. А. Шолохова, сразу став заметным творческим явлением своего времени, довольно быстро оказались в центре внимания критиков и литературоведов. В дальнейшем это внимание лишь усиливалось, затрагивая различные стороны поэтики произведения. Несмотря на то, что в большей степени объектом рассмотрения шолоховедов являются его романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина», раннему творчеству автора также посвящено немало статей и монографий. Однако вопрос об отдельных сторонах

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260525

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

писательской стратегии М. А. Шолохова, особенно касающихся практического воплощения натуралистических мотивов и их связи с соответствующей литературной традицией, на сегодняшний день ещё всесторонне не исследован. Актуальность данной работы обусловлена, во-первых, необходимостью выработки современным литературоведением единого подхода для дальнейшего сопоставительного анализа творчества М. Шолохова и его современников, основанного на разностороннем выявлении типологических черт их творческого метода с точки зрения литературной преемственности, взаимовлияния и вариаций функционирования литературной традиции. Во-вторых, значимостью рассмотрения натурализма как целостного явления русской литературы, оказавшего заметное влияние на произведения разных эпох и авторов.

В ходе исследования необходимо было решить следующие задачи:

- рассмотреть конкретные модели воплощения танатологического дискурса на идейном, содержательном и стилистическом уровнях «Донских рассказов»;
- выявить типологические черты сходства и различии в репрезентации смерти М. А. Шолоховым и представителями дореволюционной неонатуралистической беллетристики (М. П. Арцыбашев, А. А. Вербицкая), а также современниками писателя (И. Э. Бабель);
- раскрыть особенности функционирования элементов натуралистической поэтики в условиях идеологизации литературы, а также системность их воплощения на протяжении всего цикла «Донских рассказов».

Основным материалом исследования является сборник М. А. Шолохова «Донские рассказы».

Теоретическую базу исследования составили работы, рассматривающие поэтику шолоховской прозы в онтологическом контексте (Семёнова, 2005; Муравьева, Проза, 2007; Муравьева, 2020), исследования, которые затрагивают вопросы творческого становления М. А. Шолохова и его путь от малых жанров к роману-эпопее, а также особенности авторского стиля и метода (Авдеева, 2011; Тибушкина, 2026). Монография Д. В. Поля (2008) посвящена раскрытию особенностей образной системы произведений М. А. Шолохова с точки зрения воплощений литературных универсалий, Н. Ю. Комирная (2005) в качестве объекта рассмотрения предлагает способы реализации концепции судьбы в «Донских рассказах». В. Н. Запевалов (1991) рассматривает генезис и проблематику раннего творчества писателя. Также были задействованы работы, которые раскрывают интертекстуальные связи «Донских рассказов» с литературой 20-х годов XX в. (Котовчихина, 2004; Воронцова, 2022; Подобрий, Свиридова, 2023; Каспарян, Колесников, Рогожина, 2025). Ряд статей (Венков, 2026; Зотова, 2023; Харченко, 2021) касается исследования документально-публицистических источников «Донских рассказов», исторического контекста и связанных с ним проблемно-тематических аспектов произведения. В статье А. Е. Тарасовой (2026) и В. В. Долговой (2025) рассмотрена образно-символьная сторона «Донских рассказов»; А. С. Тимофеева (2026) делает акцент на отображённых в тексте реалиях повседневности.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-исторический метод, позволивший осмыслить рассказы Шолохова с точки зрения художественной преемственности отдельных мотивов и способов их воплощения, а также метод целостного анализа, благодаря которому интересующие нас произведения были рассмотрены в идейно-содержательном аспекте.

Практическая значимость работы заключается в возможности осмысления ряда специфических особенностей натуралистической поэтики в ранней советской литературе. Полученные результаты могут быть использованы в курсах истории отечественной литературы XX в. на филологических факультетах университетов и педагогических вузов, при подготовке курсов по выбору, посвящённых истории отечественной литературы XX в., а также творчеству М. А. Шолохова.

Обсуждение и результаты

В советском литературоведении при рассмотрении произведений 1920-х гг., особенно касающихся событий Гражданской войны, основной акцент традиционно делался на способах раскрытия идейного конфликта, на вариантах осмысления классовой борьбы и личном выборе человека, вставшего на путь революционной сознательности. «И Шибалюк, и Бодягин не могли поступить иначе: убивая врагов народа, они выполняли свой революционный долг… Шолохов воплощает те классовые силы, против которых восстают и борются герои его рассказов, люди нового грядущего мира – коммунисты и комсомольцы» (Гура, 1950, с. 156). В позднейших исследованиях «Донских рассказов», стремящихся к свободе от идеологических ограничений, внимание уделяется уже более частным степеням конфликта, вопросам морального выбора, социально обусловленной проблематике.

Категория смерти и её репрезентация, как можно утверждать, имеет в этом ключе совершенно особое значение. Критика 20-30 гг. XX в. часто упрекала Шолохова в непонимании глубинных механизмов общественно-политических преобразований и вульгаризации повествования именно на основе эпизодов, детально описывающих гибель персонажа, абсолютно лишённую какого бы то ни было романтического ореола. «Не вдаваясь в анализ своеобразного решения конфликта между революционным долгом и гуманистическим чувством в рассказах, она объявила писателя “мелкобуржуазным гуманистом”, “колеблющимся середняком”, упрекала в биологизме, натурализме и т. п.» (Авдеева, 2011, с. 4).

Действительно, образ смерти, причём именно насильственного характера, гибели, убийства, играет в повествовательной структуре «Донских рассказах» едва ли не ключевую роль. Его неизменно сопровождают мотивы голода, болезни, ранения и умирания. Репрезентация их физиологической составляющей осуществляется в безусловно позитивистском, подчёркнуто натуралистическом ключе. Неслучайно в полемическом

предисловии к рассказу «Лазоревая степь» Шолохов прямо противопоставляет свой подход к отображению смерти методам молодых авторов-популистов: «В Москве, на Воздвиженке, в Пролеткульте на литературном вечере МАППа, можно совершенно неожиданно узнать о том, что степной ковыль (и не просто ковыль, а “седой ковыль”) имеет свой особенный запах. Помимо этого, можно услышать о том, как в степях донских и кубанских умирали, захлёбываясь напыщенными словами, красные бойцы. <…> На самом деле, ковыль – поганая белобрысая трава. Вредная трава, без всякого запаха… Поросшие подорожником и лебедой окопы, молчаливые свидетели недавних боёв, могли бы рассказать о том, как безобразно просто умирали в них люди» (Шолохов, 1985, с. 173).

Общее художественное своеобразие рассказов на содержательном, внутреннем уровне не может быть отнесено к натуралистическому дискурсу по ряду причин. Так, например, налицо наличие прямых оппозиций, в рамках которых подчёркнутая натуралистическая деидеологизированность противопоставляется очевидной и различными художественными средствами презентуемой социально-политической революционной концепции большевистской идеологии. В связи с этим не наблюдается здесь натуралистическая исследовательская позитивистская отстранённость и тем более авторская объективность. Более того, согласно некоторым исследованиям, фактографическая основа рассказов Шолохова может быть подвергнута определённому сомнению. Так, А. В. Венков, ссылаясь на архивные данные, стремится доказать, что череда внутрисемейных убийств, предстающая на страницах «Донских рассказов», носит следы заметного преувеличения: «Ни исторические источники, ни полевой материал не указывают на многочисленные конфликты внутри казачьей семьи, тем более со смертельным исходом. Казаки безжалостно дрались с местными крестьянами, сопротивлялись в большинстве своём Красной армии, но стремились сохранить единство своего сообщества» (Венков, 2026, с. 35-36).

Учёный полагает, что обилие смертей в «Донских рассказах» являет собой примету «революционного романтизма, когда ради новой справедливой жизни не жалко убить родного брата или отца». И далее размышляет о том, что «писатели в силу особенностей литературного творчества обращают внимание в первую очередь на необычное, чтобы привлечь внимание предполагаемого читателя. А люди, познающие жизнь по книгам, это необычное воспринимают как повсеместное» (Венков, 2026, с. 27). Оставляя за скобками историческую направленность статьи и специфику её коннотативного контекста, нельзя не отметить, что эта мысль оказывается очень созвучной именно натуралистической повествовательной стратегии, выводящей занимательный случай из повседневности в качестве структурообразующего элемента художественного произведения. Идейная составляющая «Донских рассказов» не позволяет считать их натуралистическим произведением как таковым, однако их правдоподобие, их схваченность с натуры и детальный дескриптивный антураж сомнению быть подвергнуты не могут. В произведении повседневность предстаёт как «…реализованная эмпирическим автором целостная система культурных кодов и практик, в которой представлена вся полнота бытия/поведения человека» (Струкова, 2023, с. 14).

Говоря об убедительности в попытке как можно более фотографично представить описываемые события, необходимо указать, что Шолохов проделывает безусловно блестящую стилистическую работу в отображении языка и стиля общения описываемого им казачества. При этом он активно использует документальность как элемент натуралистической традиции, включая документ в художественное повествование для придания ему ещё большего правдоподобия: «ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 186. За самоотверженную и неустанную работу по искоренению большевизма в пределах Верхне-Донского Округа сотник Крамсков Михаил производится в подъесаулы и назначается комендантом при Н-ском Военно-Полевом Суде. Командующий Северным фронтом: Генерал-майор М. Иванов. Адъютант (подпись неразборчива)» (Шолохов, 1985, с. 81). Однако важно, что для писательской стратегии М. Шолохова подобные включения также становятся средством придания убедительности в отображении непримиримых противоречий, своей официальной сухостью ярко контрастируя с проявлениями живого человеческого горя от потери близкого человека.

Принципиально значимо, что в отличие от многих произведений ранней советской эпохи, идейный пласт проведён в «Донских рассказах» органично, не декларативно, и в этом тоже несомненная заслуга Шолохова как писателя. Есть основания предполагать, что даже если бы он избегал морально-оценочных эпитетов и характеристик, то только за счёт внимания к быту и деталям повседневности контраст между зажиточным казачеством и бедняками и подоплёка их непримиримой борьбы проявились бы с достаточной определённостью: «Ни роду у Алешки, ни племени. Именья – одни каменья, а хату и подворье еще до смерти мать распродала соседям: хату – за девять пригоршней муки, базы – за пшено, леваду Макарчиха купила за корчажку молока. Только и добра у Алешки – зипун отцовский да материны валенки приношенные. Табун пришел с попаса, а Алешка – к Ивану Алексееву во двор. Возле стряпки расстелила хозяйка рядно, сели семейно на земле, вечеряют. В ноздри Алешке так и ширнуло духом вареной баранины» (Шолохов, 1985, с. 23).

Кроме того, сам факт обращения к фрагментарной композиции также сближает сборник Шолохова с некоторыми предшествующими традициями и сюжетными топосами натурализма. Но главным и самым заметным механизмом, воспринятым прозаиком или, во всяком случае, сближающим его рассказы с натуралистической традицией, является уже упомянутое внимание к смерти как кульминационному сюжетному событию почти в каждом рассказе.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что структурные предпосылки создания образа смерти, применительно к натуралистической поэтике его отображения во многом разнятся, но способы художественного представления смерти, несомненно, имеют корни в предшествующей литературно-публицистической натуралистической традиции. Шолохов в своей репрезентации смерти фиксирует подчёркнуто антиромантический,

натуралистический модус изображения, выводя его за рамки эстетической категоризации. Персонажи Шолохова умирают кроваво и грязно. В описании убийств прозаик не избегает самых неприглядных физиологических деталей: «Мишка, качаясь, подошел к повозке, заглянул в лицо, искромсанное сабельными ударами: видны оскаленные зубы, щека висит, отрубленная вместе с костью, а на заплывшем кровью выпученном глазе, покачиваясь, сидит большая зеленая муха» (Шолохов, 1985, с. 72). Его герои, даже те, которым он явно симпатизирует, – протагонисты, представители угнетённого класса, комиссары, активисты, комитетчики, коммунисты – не падают красиво, сражённые пулей врага. Они умирают мучительно, забитые кольями, расстрелянные, заколотые вилами, их переезжают телегами и засыпают распоротые животы ячменём. В каждом отдельном рассказе подобный эпизод воспринимается как событие исключительное и, хоть и обусловленное логикой исторических реалий, но парадоксальным образом её же нарушающее. «В “Донских рассказах” предстает особое, остропатологическое состояние мира, когда силы смерти и распада, за которыми стоят кипящая злоба, ненависть, чреда мести, берут верх над силами жизни, согласия, красоты. Нескончаемо идут сцены расстрелов, убийств, издевательств, расчленения плоти, жуткая физиологическая трупная натура, вонь разложения, заглушающая здоровые природные запахи… Это было общее глубинное потрясение эпохи» (Семёнова, 2005, с. 35).

В категориях натуралистической эпистемы, которая в своей основе опирается на фактографичное отображение повседневной действительности и потому особенно чутко реагирует даже на малейшие её изменения, можно предположить следующее. В ходе революции и Гражданской войны прежняя система этических норм, моральных ценностей, внутрисемейных и межличностных отношений оказалась разрушена или, по крайней мере, кардинально пересмотрена. Именно поэтому концепт занимательного случая, будоражащего события, выбивающегося из границ нормальности, тот самый опыт переступания границ, который в натуралистических текстах часто служил стержневой пружиной действия, также оказался переосмыслен.

Иными словами, если для того чтобы эпатировать публику, привлечь интерес и сделать своё произведение трансгрессивным, беллетристика начала XX века обращалась к теме ницшеанского сверхчеловека (М. П. Арцыбашев и А. А. Вербицкая), к теме проституции (А. В. Амфитеатров), к теме различного рода сексуальных девиаций (А. Мар). Однако теперь, в новых кровавых реалиях, все эти темы воспринимались, скорее, как примета уходящего или даже ушедшего прошлого, которое всё более начинало сливаться в некий единый образ мещанского быта, не обладающего какими-то исключительными и вызывающими интерес реалиями.

Таким образом, едва ли не единственным реалистичным событием, хоть как-то выбивающимся за рамки новой обыденности, ценным для натуралистической традиции в структурно-композиционном плане, осталась смерть, но только смерть жестокая, кровавая и насильственная – однако и её восприятие вплотную подошло к границам нормальности. В этой связи для рецептивной стратегии «Донских рассказов» оказывается едва ли не удивительным, что смерть на протяжении всего сборника не перестаёт воспринимается именно в рамках переступания тех самых границ, события исключительного, некоей личностной и общественной девиации, искажающей сам принцип человеческого сосуществования. При этом особую остроту и силу воздействия как для современников Шолохова, так и для читателей следующих поколений, придаёт тот факт, что практически все убийства, представленные в «Донских рассказах», происходят внутри семьи. Жертва и убийца почти всегда связаны родственными или, по крайней мере, земляческими отношениями. «На первое место выходит трагизм раскола народа в его родственных связях, в ненависти и борьбе с ближним, сознательно приводящих к убийственным действиям» (Харченко, 2021, с. 106). Впрочем, это уже скорее относится к реалистической картине художественного построения, поскольку для натуралиста важна смерть как таковая, её биологическая детерминированность и по возможности точное, яркое, небрезгливое и фотографически точное описание во всех её неприглядных кровавых деталях.

В дихотомии «герой-среда», традиционной для классической русской литературы, где акценты смещались то в одну, то в другую сторону, и в натуралистическую пору окончательно перешли на сторону среды, вновь произошёл пересмотр, однако не столь радикальный, как это может показаться. Герои «Донских рассказов» Шолохова не просто выпадают из среды и борются с ней – они пытаются формировать свою среду, и в этом они не одиноки. Герой в отчасти натуралистической трактовке осмысляется не как бунтарь-одиночка, а как представитель нового времени, нового поколения, демонстрирующий целостность именно в этом качестве: «Нет, господа старики, ушло ваше время. Отцвели!.. Мы становили советскую власть, и мы не позволим, чтоб бедноте наступали на горло! Не будет так, как в прошлом году; тогда вы сумели захватить себе чернозем, а нам всучили песчаник, а теперь ваша не пляшет. Мы у советской власти не пасынки!» (Шолохов, 1985, с. 104). Значимость таких образов заключается в социально-исторической подкреплённости, а не в индивидуальных характеристиках, как у множества персонажей предшествующей литературной традиции – от «лишнего человека» до арцыбашевского Санина. Именно поэтому мысленный эксперимент по перемещению в достаточно сильных духом, идейных, целеустремлённых, отрицающих прежние устои героев Амфитеатрова, Вербицкой, Арцыбашева и тем более Мар в условия Гражданской войны или революции скорее всего закончится плачевно, поскольку их мятеж представляет собой явление совершенно иного рода. Репрезентация этого мятежа, его цели, задачи и авторская интерпретация также не имеют ничего общего с тенденциями нового постреволюционного времени. Доказательством этому служит тот факт, что практически никто из натуралистов дореволюционной эпохи не смог встроиться в условия новой жизни, а попытка А. А. Вербицкой продолжить писательскую карьеру после революции выглядела крайне беспомощно и не закончилась ничем, кроме нескольких неудачных детских рассказов.

В числе натуралистических примет в ряде «Донских рассказов» необходимо назвать некоторое снижение роли психологизации при создании типажей, причём как протагонистов, так и антагонистов. В. Б. Катаев, говоря

о подобных процессах в дореволюционной прозе, указывает, что «при изображении новых живых героев предпочтение отдавалось их романтизации, а не реалистической трактовке… Попытки создать минимальный психологический рисунок этих образов, разумеется, предпринимались. Но скорее можно говорить о наборе обязательных атрибутов в образах героев, характерном для всего направления» (Катаев, 2005, с. 245). Герой представал в образе своего рода Прометея, миссионера, который был готов на всё и, прежде всего, знал, что нужно сделать, чтобы построить новую жизнь. Интересно в этой связи отметить, что для персонажей дореволюционных произведений на первом плане стояла задача разрушения, мятежа, и при этом, естественно, готовность пожертвовать собой ради этого. Однако в описываемых реалиях шолоховских рассказов глобальное разрушение уже произошло, и теперь, напротив, всё отчётливее проступает необходимость формирования созидательного начала. Этот модус миропонимания главных героев сталкивается с противостоянием, с открытой агрессией, с конфликтами, но тем не менее, при всём романтическом антураже, они в большей степени несут практическое созидательное начало, обретая в этом черты идеологической конкретизации. В «Донских рассказах» романтизация героя реализуется в синкретическом ключе, когда подчёркнутая возвышенность идеалов и стремлений сочетается с очевидным и нарочито натуралистически низменным описанием быта, внешнего вида, одежды и физиологии персонажей. Так формируется своего рода овеществлённый тенденциозный романтизм, тесно связанный с натуралистическими интенциями.

М. Шолохов объединяет в своём творчестве оба этих концепта, что, с одной стороны, добавляет его рассказам фотографичности и убедительности, с другой же, делает подобные приёмы средством идеологического воздействия, способом художественно осмыслить и представить глубокие социальные процессы, слом идеологии, рождение нового мира на обломках старого. Это тем более важно, что акценты, в отличие от собственно натуралистических произведений, в «Донских рассказах» расставлены весьма чётко, конкретно и последовательно, и об авторской беспристрастности, свойственной натурализму, если и можно говорить, то с большой долей осторожности.

Показательно здесь провести параллель с написанной примерно в это же время «Конармией» И. Бабеля (2018), где в репрезентации смерти ничего исключительного нет, и она воспринимается как явление не менее кровавое, но абсолютно рядовое и сопутствующее новой повседневности. В определённом смысле это может быть связано с тем, что нарративная составляющая «Донских рассказов» М. Шолохова почти всегда связана с отображением мира семьи, частного домовладения, которое, несмотря на революционные и гражданские бури, всё же является оплотом прежних ценностей, если не в социально-политическом или экономическом, то, по крайней мере, в морально-нравственном контексте. В этой этической парадигме смерть может стать привычной и даже неизбежной, но никогда не приобретает статус нормы, даже в условиях новой реальности и столкновения категорически непримиримых идеологий и взглядов.

В классическом натурализме смерть детерминирована биологически, обусловлена наследственностью и потому предопределена и воспринимается как неотъемлемый сегмент действительности. У Бабеля смерть детерминирована, только не биологией, а революцией и войной, и потому тоже включена в повседневность и воспринимается достаточно спокойно. У Шолохова же смерть неизбежной не кажется ни в одном из эпизодов, и её осознание в каждом рассказе происходит неохотно, сталкиваясь каждый раз с внутренним сопротивлением. С одной стороны, она во многом является следствием революционных потрясений, слома прошлого, однако в рамках каждого отдельного рассказа и каждой отдельной семьи, тем не менее, воспринимается как трагедия. В отличие от художественной стратегии натурализма с его смещением фокуса на среду, фотографию и общественные социальные процессы, у Шолохова в центре внимания, несмотря на революционный идейный пафос, остаётся человек. Особенно остро трагизм ощущается, когда гибнут не идейные борцы за новое будущее, а те, ради кого это будущее и должно строиться: «Степка бился под отцом, выгибаясь дугою, искал губами отцовы руки и целовал на них вспухшие рубцами жилы и рыжую щетину волос…

– Под сердце… бей… – хрипел Яков Алексеевич, распиная Степку на мокрой, росистой, земле…» (Шолохов, 1985, с. 124).

Повествовательная схема «Донских рассказов» предполагает семейный ракурс, сосредоточенный на частной жизни, в отличие от новелл Бабеля, где действие сосредоточено в рамках воинского подразделения. Поэтому система морально-этических координат изначально у них задана в совершенно разных регистрах, отсюда разница и в репрезентации смерти. В этой связи особенно показательным является рассказ Бабеля «Письмо», в котором также представлен кровавый конфликт внутри семьи: отец-белогвардеец расправляется с попавшим в плен сыном-красноармейцем, за которого потом мстят двое братьев, убивая отца. Параллели с «Донскими рассказами» очевидны, однако восприятие смерти у Бабеля, тем не менее, происходит в куда менее остром ключе. Даже в семейном контексте она представлена как рядовой эпизод кровавых революционных событий, настолько привычный, что безэмоционально перечисляется малолетним автором письма в ряду прочих бытовых новостей и путевых наблюдений: «Хозяева сеют рожь и то же самое овес. На палках здеся растет хмель, так что выходит очень аккуратно; из него гонют самогон. Во вторых строках сего письма спешу вам описать за папашу, что они порубали брата Федора Тимофеича Курдюкова тому назад с год времени» (Бабель, 2018, с. 11).

Градус напряжения в рамках этих событий может варьироваться, но важно, насколько по-разному в него встраивается смерть: у Бабеля как факт и примета повседневности, а у Шолохова как трагическая кульминация идейного конфликта. Концептуально это связано с тем, что революция и Гражданская война в рецепции Бабеля несут прежде всего хаос, их деструктивный потенциал самоценен и реализуется как самодостаточная категория, для которой смерть обычна и даже естественна. В «Донских рассказах» революционные потрясения

носят заметно более локальный характер, замкнутый в границах станичного быта и социума. Они, разумеется, тоже неразрывно связаны с разрушением, однако разрушение это осмыслено как необходимая крайность. Гражданская война в интерпретации Шолохова не столько разрушает старое, сколько создаёт новое, и это новое, по мысли автора, немыслимо без саморазвития и веры в человека. Протагонисты «Донских рассказов» хотят учиться, работать и строить, они знают, зачем живут: «Терпи, Дунь… Осенью в город уедем. Будем учиться с тобой, а посля, как выучимся, вернемся сюда. По-ученому землю зачнем обрабатывать, а то ить темень у нас тут, и народ спит…» (Шолохов, 1985, с. 9). Неудивительно, что смерть в этой ценностной парадигме может представать только в качестве инородного, враждебного явления.

Персонажи ранних натуралистических произведений Амфитеатрова или квазиреалистических текстов Арцыбашева и Вербицкой, применительно к концептуализации танатологической мотивировки, часто выглядят манерно уставшими от жизни, «инфицированными смертью» (Грякалова, 2008, с. 18), из чего проистекает неизбежность и детерминированность их умирания: «Помню, я дала себе срок – жить только три месяца, до Пасхи. И умереть в первый день. И я стала худеть и таять. И стала такая апатичная. Силы мои уходили с каждым днем» (Вербицкая, 1993, с. 97).

Актуализирующие гуманистический пафос герои Шолохова, наоборот, полны жизнью, готовы творить будущее своими руками, однако именно для подобной благородной цели им и приходится погибать. Их смерть нередко тоже сознательна, но никогда не желанна. Они идут на смерть не от того, что устали от жизни, а от того, что готовы пожертвовать собой ради грядущих поколений. Такое переосмысление танатологического дискурса в русле социалистической идеологии делает рассказы Шолохова приметным явлением для конъюнктуры двадцатых годов.

Заключение

В заключение можно сделать следующие выводы. Шолохов настойчиво репрезентирует мотив смерти в различных итерациях убийства, которые кочуют из рассказа в рассказ, проявляясь в разных вариациях и комбинациях, в конкретных моделях взаимодействия жертвы и убийцы. С одной стороны, это может считаться отголоском натуралистического «занимательного случая», пусть и в несомненно более кровавом, трагичном контексте, который становится неизбежным завершением сюжетного стержня в условиях описываемой действительности. С другой стороны, именно близость смерти особенно остро интенсифицирует ощущение жизни, и чем более кроваво и драматично завершается сюжет рассказа, тем по контрасту более ярко предстаёт справедливость борьбы погибших людей и величия того общего дела, за которое они умирают. Кроме того, в аспекте внутрисемейных или земляческих связей, идеологическое распределение остаётся неизменным: убийца в подавляющем большинстве случаев является представителем прежнего мира, старшего, отживающего поколения – офицер, помещик, кулак или, по крайней мере, властный отец-самодур, жертва же – батрак, комсомолец, продработник.

Подобный дисбаланс несколько парадоксален с позитивистской точки зрения, однако не стоит упускать из виду, что в рамках содержательной составляющей смерть в «Донских рассказах» представляет собой не отдельное событие и даже не череду событий, а особую универсалию, реализация которой формирует мощный идеологический фон с вполне определёнными коннотациями.

Таким образом, натуралистический инструментарий ставится у Шолохова на службу зарождающемуся контуру новой советской литературы, во многом определившему вектор её развития на следующие несколько десятилетий. В целом этот вектор как таковой натурализма в чистом виде не допускал и допустить не мог, поскольку социально-биологический детерминизм натуралистической эпистемы вступал в прямое противоречие с идеологией марксизма и его идеями общественно-экономического равенства, однако с точки зрения художественной жизнеспособности отдельные методы и приёмы натурализма оказались востребованными в литературе нового времени. Идеологическая составляющая шолоховской прозы находится в тесном контакте с отображением правды жизни, и поддержанию этого тонкого баланса во многом способствует использование приёмов, разработанных натуралистической поэтикой.

К перспективам дальнейшего исследования можно отнести систематизацию и комплексное рассмотрение основных типологических черт русского натурализма и способов их воплощения, а также пути переосмысления и трансформации в произведениях различных жанров и направлений XX в.

Материалы исследования | Research materials

1. Бабель И. Э. Конармия. М.: Наука, 2018.
2. Вербицкая А. А. Ключи счастья. М.: Планета, 1993.
3. Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 7.

Источники | References

1. Авдеева Е. А. Традиции русской литературной баталистики в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дисс. … к. филол. н. Сургут, 2011.
2. Венков А. В. Традиционные ценности казаков и Гражданская война на Дону // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2026-1-24-39

3. Воронцова Г. Н. Михаил Шолохов и Исаак Бабель: перекличка сюжетов и образов // Вёшенский вестник. 2022. № 22.
4. Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография – рефлексия – письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
5. Гура В. В. «Донские рассказы» М. Шолохова – предыстория «Тихого Дона» // Ученые записки ВГПИ. 1950. Т. 7.
6. Долгова В. В. Изучение портретных описаний в «Донских рассказах» М. А. Шолохова (к истории вопроса) // Вестник научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025.
7. Запевалов В. Н. «Донские рассказы» М. А. Шолохова. Генезис. Проблематика. Поэтика: автореф. дисс. … к. филол. н. Ленинград, 1991.
8. Зотов В. Б., Чупрова Ю. Н., Азарова В. И. Тема войны и особенности её осмысления в произведениях Михаила Шолохова // Архонт. 2023. Вып. № 3 (36).
9. Каспарян К. В., Колесников И. Н., Рогожина Н. Ю. Гражданская война в России в литературном искусстве 1920-х – 1940-х гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2025. № 1.
10. Катаев В. Б. Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М.: Наследие, 2001. Т. 1.
11. Комирная Н. Ю. Художественная концепция судьбы в «Донских рассказах» М. А. Шолохова: дисс. … к. филол. н. М., 2005.
12. Котовчихина Н. Д. Эпическая проза М. А. Шолохова в русском литературном процессе XX века: дисс. … д. филол. н. М., 2004.
13. Муравьева Н. М. Онтологическая парадигма «Донских рассказов» М. А. Шолохова // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс: Материалы Международной научно-практической конференции 2020 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». М.: Перо, 2020.
14. Муравьева Н. М. Проза М. А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика: монография. Борисоглебск: БГПИ, 2007.
15. Подобрий А. В., Свиридова А. В. Трансформация национальных архетипов в новом социокультурном коде эпохи в новеллах М. А. Шолохова и И. Э. Бабеля 1920-х гг. // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3.
16. Поль Д. В. Универсальные образы и мотивы в русской реалистической прозе XX века (художественный опыт М. А. Шолохова). М.: Инст. худож. образ. РАО, 2008.
17. Семёнова С. Г. Мир прозы Михаила Шолохова от поэтики к миропониманию. М.: Инст. мировой лит. им. А. М. Горького РАН, 2005.
18. Струкова Т. Г. Литература и повседневность: сопряжение. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023.
19. Тарасова А. Е. Типология образно-смыслового мотива «материнства» в «Донских рассказах» М. А. Шолохова // Вестник Научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века: сборник статей. Вып. XXIX. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2026.
20. Тибушкина Н. В. Природа в художественном целом и образной системе романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон»: дисс. … к. филол. н. Ульяновск, 2026.
21. Тимофеева А. С. Реалии повседневности в «Донских рассказах» М. А. Шолохова // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке: сборник научных трудов. Вып. XVI. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2026.
22. Харченко А. В. Типология сюжетных коллизий «отцов» и «детей» в «Донских рассказах» М. А. Шолохова // Вестник Научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века: сборник статей. Воронеж, 2021.

Информация об авторах | Author information

RU

Юсяев Алексей Сергеевич[1], к. филол. н.
[1] Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (филиал г. Пенза)

EN

Aleksey Sergeyevich Yusyaev[1], PhD
[1] The Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov (Branch in Penza)

[1] *alexej_jusaev@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.09.2026; опубликовано online (published online): 10.11.2026.

Ключевые слова (keywords): М. А. Шолохов; сборник «Донские рассказы»; натуралистическая традиция; танатологический дискурс; репрезентация смерти; M. A. Sholokhov; collection “Don Stories”; naturalistic tradition; thanatological discourse; representation of death.